

— Первый вариант — дожждаться, пока по сюжету игры откроется доступ к тому побережью, — лениво цедил Фан Сяннань, развалившись на диване. Он намеренно подбирал слова, которые гарантированно должны были вывести босса из себя. И хотя сейчас он не видел выражения лица своего работодателя, одна лишь мысль о его бессильной злости приносила сладкое чувство маленькой мести. — Вот тогда вы сможете преспокойно снарядить корабль и забрать Лянь Уцзю. Правда, к тому моменту бедняга проведёт в полном одиночестве добрых три месяца. Будет спать прямо на камнях, без сменной одежды и нормальной горячей еды. Любой современный парень от такой жизни за сто дней взвыл бы и все глаза выплакал, а этот даже не представляет, когда сможет выбраться. Полная безысходность.

— Он человек иной эпохи! — отрезал Су Линцзюнь. На другом конце мегаполиса он сидел перед экраном, натянутый как струна, и буквально испепелял собеседника взглядом. — Совсем не чета вам! Не смей равнять его с нынешним изнеженным поколением!

— Да ладно тебе, люди прошлого — тоже люди, — усмехнулся Фан Сяннань. — Каким бы закалённым он ни был, парню едва исполнилось двадцать. К тому же его с детства холили и лелеяли. Было бы странно, если бы он сейчас не был от страха и обиды. Так что, господин Су, мой вам совет: принесите жертву. Выкроите месяц-другой, воспользуйтесь нашей лазейкой и поживите в игре вместе с ним. Подумаешь, отложите дела и заработаете чуть меньше — денег у вас всё равно куры не клюют.

Раньше разработчики компании только и мечтали, чтобы босс увлёкся их детищем — это подтвердило бы триумф проекта. Теперь он увлёкся, показатели взлетели, но этот человек забросил основное дело, отказывался возвращаться в головной офис и каждый день торчал у них над душой. Какое тут выдержишь давление! Все сотрудники буквально таяли на глазах от постоянного стресса. Вот и сейчас: у него в игре близкий человек пропал, а виноваты почему-то программисты! Где справедливость? Сам недоглядел, позволил утащить парня прямо из-под носа, а теперь локти кусает!

В трубке повисло недолгое молчание.

— Хорошо, — наконец глухо отозвался Су Линцзюнь. — Поступим по-твоему. Дуй ко мне домой прямо сейчас, нужно передать тебе дела.

— Да какого чёрта?! — взвился Фан Сяннань, вскакивая с дивана и в сердцах швыряя подвернувшуюся подушку. — Глухая ночь на дворе, а я должен тащиться работать?! Я тебе не секретарь!

Впрочем, бунтуй не бунтуй, а идти пришлось. Вскоре в унылом полумраке безветренной ночи одинокий силуэт понуро поплёлся к выходу.

К восьми часам утра Су Линцзюнь наконец закончил раздавать указания измотанному Фан Сяннаню. Сбросив груз забот, он приготовился войти в виртуальный мир — навстречу своему внезапному месячному отпуску.

Пока Су Линцзюнь отсутствовал в сети, Красавец со своими людьми сбился с ног, пытаясь отыскать хоть какой-то след Лянь Уцзю. Первый старший брат пропавшего, Вань Гэнлянь, опекавший младшего словно квочка, целыми днями ходил чернее тучи, наводя ужас на окружающих. Если бы не Шуй Цюбо, которая то и дело остужала его пыл, он бы давно разнёс пол-игры. Красавец и его друзья лишь тяжело вздыхали: поиски затянулись, превратив жизнь всей компании в форменный ад.

Когда Су Линцзюнь под всеобщие молитвы наконец появился в сети, все вздохнули с облегчением. Все, кроме двоих старших братьев Лянь Уцзю, чьи лица по-прежнему не выражали ничего хорошего.

Появившись в игре, Линцзюнь не кинулся сломя голову на поиски. Сначала он неторопливо обошёл городские лавки и лишь затем направился к побережью. Увязавшийся за ним Красавец изнывал от раздражения:

— И откуда в тебе столько безмятежности? Зачем мы вообще притащились к морю? Я уже пробовал туда сунуться — даже в воду войти нельзя, локация закрыта.

Проигнорировав ворчание приятеля, Су Линцзюнь повернулся к мрачному Вань Гэнляню и спокойно произнёс:

— Я знаю, как найти Уцзю. Но забрать его оттуда пока не смогу. Так что прекращайте поиски и занимайтесь своими делами. Я сам отправлюсь к нему.

— Это ещё что значит? — нахмурился тот.

Су Линцзюнь тем временем уже сбрасывал обувь и верхние одежды, готовясь шагнуть в набегающие волны.

— Особые обстоятельства. На данный момент преодолеть эту преграду могу только я. И потрудитесь держать это в секрете.

Красавец ошеломлённо наблюдал, как Линцзюнь заходит всё глубже в пучину. Наконец, когда вода поднялась ему по грудь, тот обернулся и крикнул:

— Красавец, бей по мне скрытым оружием! Давай самый мощный приём, чтоб напавал с одного удара! Живее!

Тот на мгновение опешил, а затем залился звонким смехом:

— Ну ладно, сам напросился! Чур, без обид! И не забудь потом отблагодарить!

Перед тем как уйти под воду, Линцзюнь лишь горько усмехнулся про себя. Тоже мне, благодетель... Нашёл за что требовать благодарность.

Увидев, как Линцзюнь добровольно принял смерть и растворился в морской пене, Вань Гэнлянь мгновенно загорелся той же идеей и уже сделал шаг вперёд. Однако Чжань Цюань мёртвой хваткой вцепился в старшего брата:

— Старший, не глупи! Если и ты сейчас сгинешь вслед за Уцзю, у нашего учителя разорвётся сердце. Доверься этому Су и наберись терпения. К тому же, если ты пропадёшь, как быть с девой Шуй?

Слова младшего брата подействовали как холодный душ, и Вань Гэнлянь понемногу остыл. Красавец тут же поспешил закрепить успех:

— Вот именно. На вашем месте я бы лучше занялся поисками тех мерзавцев, что устроили засаду. На Уцзю нападают не впервые. Если не вычистить эту шваль, ему и на суше житья не дадут, даже когда он вернётся.

Вань Гэнлянь тяжело кивнул. Стиснув зубы, он крепко взял Шуй Цюбо за руку и размашистым шагом направился обратно к городу.

Снова над побережьем сгустились сумерки. Лянь Уцзю сидел на песке — растрёпанный, в изорванных одеждах, с осунувшимся лицом и остекленевшим взглядом. Он безучастно смотрел, как багровое солнце медленно тонет на западе. Как же ему хотелось протянуть руки и удержать это светило, не дать ему уйти за горизонт. Чтобы проклятая тьма никогда больше не возвращалась.

Набегающие волны лизали подол его одежд, пропитывая ткань ледяной влагой, но юноша даже не шевелился. Лишь когда последние отблески заката окончательно угасли, он с трудом поднялся на затёкшие, непослушные ноги и, пытаясь унять дрожь во всём теле, побрёл под сень деревьев.

Забившись в своё жалкое убежище, Уцзю нащупал лежавшие рядом дикие плоды. Немного помешкав, он сунул один в рот, но не мог сжать зубы, словно они онемели. В животе тут же поднялась тошнотворная волна.

Разумеется, в игре зубы не могли заболеть от избытка кислоты, равно как игрокам не требовалось справлять нужду — подобные условности просто не закладывались в программный код. Но у Лянь Уцзю ломило челюсти так, словно он действительно оскомину набил на этих проклятых фруктах. Какое бы изысканное лакомство тебе ни предлагали, но если питаться им изо дня в день неделями напролёт, неизбежно взбунтуется даже самый неприхотливый желудок. Уцзю был живым человеком, выросшим на горячих домашних обедах! Ему до смерти хотелось простого варёного риса, тушёных овощей, куска сочного мяса — чего угодно, лишь бы оно было тёплым и приготовленным на огне!

Иногда, глядя на копошащихся в прибрежной воде жирных крабов и креветок, Уцзю ловил себя на безумной мысли, что ещё немного — и он начнёт жрать их живьём, прямо сырыми.

Огромные листья, которые он охапками таскал в пещеру, чтобы укрываться от ночной стужи, почти не спасали. Казалось, ободри он хоть все деревья на острове догола, теплее под этой зелёной горой не станет.

Вместе с учителем они жили в горах скромно и уединённо, но даже тогда Уцзю никогда не испытывал подобной щемящей тоски. Он всегда считал себя человеком самодостаточным, способным переносить одиночество, но сейчас... сейчас он ловил себя на том, что увлечённо беседует с молчаливыми раками-отшельниками.

Юноша сжался в комок, содрогаясь от подступившего ужаса.

«Кажется, я схожу с ума...»

От этой мысли становилось по-настоящему жутко.

«Сколько я ещё протяну?.. Если я снова умру, куда меня забросит? В преисподнюю? Да пусть хоть в ад, лишь бы не оставаться там в полном одиночестве...»

Море тихо шепталось с прибрежной галькой, над холодным пляжем завывал ветер. Вдруг пространство прорезала яркая вспышка, и в сияющем круге соткался человеческий силуэт.

— Уцзю... Уцзю!..

Уцзю беспокойно метался во сне. Ему чудилось, будто сквозь шум прибоя пробивается знакомый голос. Голос брата Су! Он пришёл, он всё-таки отыскал его!

Юноша изо всех сил цеплялся за это сновидение, боясь открыть глаза и снова очутиться один. Пусть сон длится, пока брат Су действительно не придёт...

— Уцзю! — громкий, отчётливый зов прозвучал над самым ухом, безжалостно развеяв остатки сонного марева.

Бледный как полотно Лянь Уцзю уставился на нежданного гостя измученным, тусклым взором. Су Линцзюнь тщетно пытался разглядеть хоть какую-то эмоцию в этих остекленевших глазах.

Ночная мгла скрывала детали, но Уцзю без труда узнал эти черты. Да, это был он — брат Су. Тот самый, что оберегал его, вытаскивал из любых передраг и вечно ворчал по пустякам.

Линцзюнь уже не на шутку испугался, решив, что парень от пережитого ужаса лишился рассудка. Но не успел он озвучить свои опасения, как он, весь ледяной и дрожащий, рванулся к нему, отчаянно вцепился в его одежды и сжался в комок, прячась на его груди.

— Брат Су... как же мне холодно... — едва слышно прошепел юноша и затих.

Вскоре его дыхание выровнялось, а его, замученного долгой стужей, наконец перестало бить крупной дрожью.

Су Линцзюнь крепко прижимал к себе этот хрупкий свёрток, сидя на усыпанном сухими листьями полу пещеры. Ночной ветер безжалостно жалил кожу, а за стенами их скромного прибежища выла и бесновалась буря, пытаясь дотянуться до затерянных в этой глуши душ. Пусть себе беснуется. Тьма сильна лишь там, где царит полное одиночество, но теперь им обоим больше нечего было бояться.

Су Линцзюнь тяжело вздохнул и закрыл глаза, больше не желая смотреть на равнодушные звёзды.

<http://bllate.org/book/18276/1793936>